

Геза Ш. ХОРВАТ

**АНГЕЛИКА МОЛНАР: РЕЦЕПЦИЯ И АНАЛИЗ ТЕКСТА. ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ.
МОСКВА, АЗБУКОВНИК, 2023, 447 с.
ISBN 978-5-91172-236-4**

**Angelika Molnar: Reception and Analysis of the Text. Selected works.
Moscow, Azbukovnik, 2023, 447 pp.
ISBN 978-5-91172-236-4**

Abstract

The review examines a new book by Hungarian researcher Angelika Molnar on classical Russian literature of the 19th century. Molnar's book analyzes the works of A. Pushkin, M. Lermontov, I. Turgenev, Tolstoy and Chekhov in the context of the overlaps with the literature of the 21st century (Ulitskaya, Akunin, etc.). The main emphasis is placed on describing the principles of textual formation through the prism of discursive poetics. The history of Hungarian reinterpretation of Russian classics is widely represented in the book. The interpretations of the works reveal unusual correlations between the works and show the specificity of the writers' poetics in a new way.

Keywords: *Russian classics of the 19th century, discourse analysis, contextualisation, review of Hungarian reception*

Ангелика Молнар является не только выдающимся специалистом по поэтике И. Гончарова в Венгрии, но и хорошо известным и цитируемым экспертом по Гончарову и на международном уровне. Результаты ее исследований получили положительные отзывы в России с беспрецедентной скоростью, а ее книга о Гончарове не только была опубликована в России через несколько лет после защиты диссертации, но и была переиздана и удостоена престижных наград. Кроме этого, она стала известной в отечественных и международных литературоведческих кругах как исследователь и переводчик русской литературы XIX–XX вв., специалист по поэтике и теории русской литературы и преподаватель-русист. С момента своего академического дебюта А. Молнар сотрудничала со многими университетами и научными учреждениями, участвовала в международных проектах, организовывала международные конференции, издавала учебники, публиковалась в престижных российских и европейских журналах и сборниках.

В настоящей книге, которая вышла в свет под названием «Рецепция и анализ текста» собраны избранные работы А. Молнар о русской классической литературе XIX века: о Пушкине, Лермонтове, Тургеневе, Толстом и Чехове, опубликованные за последние десять лет. Книга состоит из шести разделов, каждый из которых составляет в среднем 60–70 страниц, поскольку содержит в себе несколько обширных исследований. Книгу завершают три более коротких эссе о Е. Замятине (анализ рассказа «Дракон»), Венедикте Ерофееве (интерпретация «Записок психопата» в контексте русского романа XIX века) и военной прозе А. Титова. В начале каждого раздела – за исключением разделов

о Пушкине и Толстом, – есть несколько разделов, посвященных истории восприятия творчества данного автора в Венгрии. Следует отметить, что в книге, предназначенной для международной публики, необычно начинать научную статью с перспективы венгерской рецепции. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что автор намерен представить результаты изучения русской литературы в Венгрии международной науке и обсудить эти результаты в контексте международного литературоведения.

Также стоит отметить, что настоящая книга в какой-то мере является продолжением последней книги Молнар, вышедшей в 2022 году («Текст, жанр, слово. Исследования по русской литературе XIX–XXI веков. Москва, Азбуковник, 2022»). Об этом свидетельствуют многочисленные отсылки на предыдущую книгу. Некоторые вопросы, теоретические проблемы представлены в той книге более детально и глубоко, некоторые отрывки приводятся в обеих книгах, но интерпретируются в разных контекстах. Во вступительной главе книги, например, кратко излагается и осмысливается методология, использованная в книге, – *дискурсивная поэтика*, разработанная Арпадом Ковачем. То, что в предыдущей книге обсуждалось очень подробно и в более широком контексте (например, история изучения метафоры и ее роль в дискурсивной поэтике), в новой книге представлено в сжатом виде и сведено к тезисным утверждениям.

Теперь несколько слов о подходе. А. Молнар описывает основные методологические инновации поэтики, которую можно назвать «дискурсивной» в ясной и удобной для чтения форме. Полагается, что среди многочисленных тем и проблем дискурсивной поэтики автора в первую очередь интересуют способы формирования текста как надязыкового и надречевого уровня высказывания, а также связанное с этим смыслопорождение. А. Молнар исходит из того, что в прозаических произведениях словесный текст конституируется через речь субъектов, т.е. через языковые высказывания персонажей и повествователя. Слова персонажей всегда направлены на то, чтобы передать события и действия, составляющие их мир. Эти события и поступки часто свидетельствуют о кризисе жизни или идентичности. Однако отношение говорящих к своим словам становится весьма амбивалентным. Языковая репрезентация кризисных ситуаций в речи героев (повествование о поступках и событиях) всегда обречена на провал и приводит к признанию некоторого недостатка своего языка выражения (см. анализ монолога Позднышева в «Крейцеровой сонате» или разбор монологов драмы «Чайка»). Субъект речи (персонаж или рассказчик) проявляет неспособность передать реальное событие и создать свой нарратив, ибо у него нет слов, чтобы рассказать о том, что произошло. Этому явлению, которое можно назвать «тоской по выражению тоски», придается сюжетобразующая функция. По утверждению А. Молнар, «событие дополняется историей пересказа, а сюжет – историей наррации» (С.270). Нехватка слов или ошибочное словоупотребление персонажей и(или) повествователя (см. например, «фразы» и «речевые клише» в случае «Дневника лишнего человека») преодолевается в письменном тексте, ведь письменный текст способен компенсировать недостатки языка, используемого персонажами и

рассказчиком, и может привести к неожиданным связям и новым смыслам. Поэтому акт письма часто изображается в произведениях как настоящее событие, завершающее сюжет (см. «Дневник лишнего человека» или «женское письмо» в «Семейном счастье»). Кроме того, письменный текст обладает метавербальными свойствами: например, он ориентирован на иконичность (буквенные отношения, структурирование текста и т. д.) и на аудирование (звукосочетания, фонические секвенции и т. д.). Функция письменного текста заключается в том, чтобы преодолеть ложный язык саморефлексии, конституируемый говорящими субъектами, и создать знаки для нового повествовательного языка, единицы которого формируются и создаются в самом поэтическом тексте.

Центральной категорией и главным поэтическим приемом, раскрывающимся в анализах и интерпретациях выступает *метафора* и процесс *метафоризации*. Одной из главных методологических инноваций подхода А. Молнар – новая трактовка метафоры, согласно которой метафора выступает не как стилистическое явление, «иносказание», т.е. замена первоначального смысла, а как предикативное высказывание, направленное на переименование окружающего мира. При этом метафора также осмысливается как *новый языковой знак*, значение которого порождается, с одной стороны, звуко-буквенной реализацией и «внутренней формой» данного слова (см. теорию А. Потебни), а с другой стороны, подчиняется единичному контексту и выступает как наименование неизвестного еще явления или новой ситуации (подобно катахрезе). Эти метафорические операции распространяются на предметный мир, преобразованный в языковые знаки, на мир персонажей (через семантику имен героев и названия их атрибутов) и на мотивы сюжета (корневые метафоры).

Разумеется, активизацию роли звуковых повторов и фонических секвенций в создании художественного текста само по себе нельзя считать новизной в анализе прозаического текста, так как это уже известно из исследований В. Шмида об орнаментальной прозе, Ежи Фарино, В. Топорова и др. (хотя значение этого явления до сих пор редко учитывается в литературоведении). Однако тут речь идет о семантизации звукосочетаний, которые становятся способными управлять сюжетом. Наглядным примером для иллюстрации этого процесса семантизации и, одновременно, метафоризации может служить интерпретация символа *чайки* в драме А. Чехова. Согласно концепции Молнар, акцент символики с «чайки» переносится на «волшебное озеро», при этом чайка приобретает контекстуальное значение, активизируя лингвистические особенности языкового знака, включая квазиэтимон, присущий этому слову: **чай*. Таким образом, словоформа «чайка» наполняется значением 'отчаяния' и управляет сюжетом о безответной любви героев. «Любовные романы и теперь разыгрываются, и каждый из них сопровождается чувством отчаяния, а их участников можно назвать “чайками”» (358).

Другой принцип, который бросается в глаза при систематизации материала – это контекстуальный и интертекстуальный анализ, проведенный в книге. Именно здесь возникает второе значение слова «рецепция». Рассматривается, например, «Пиковая Дама» А. Пушкина в реинтерпретации Л. Улицкой, «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя, в восприятии Венедикта Ерофеева («Записки

психопата») и «Чайка» А. Чехова в постмодернистском переписывании Б. Акуниным. Помимо анализа этих новаторских жанровых и текстовых трансформаций, мы также находим примеры «классического» интертекстуального анализа. Например, поэма «Демон», «Мой демон» и «Герой нашего времени» М. Лермонтова и тема *демонизма* анализируются в сопоставлении со стихотворением А. Пушкина «Демон»; «природные метафоры» служат основой сравнения «Семейного счастья» Толстого с мотивами романов Тургенева. Автор приходит к выводу о том, что «детализацию любви параллельно природным явлениям и музыке в первой части романа Толстого можно сопоставить с теми же мотивами в «Дворянском гнезде» Тургенева, а в некоторых моментах даже у Гончарова» (С. 193). Отсюда видно, что А. Молнар остается последовательной в выборе метода: исследование интертекстуальных связей ведется также через изучение метафор и языковых особенностей текстов.

Глава о Л. Толстом содержит в себе разбор трех повестей – «Семейного счастья», «Смерти Ивана Ильича» и «Крейцеровой сонаты». В анализе А. Молнар все три произведения связаны друг с другом и в тематическом плане, поскольку они изображают соотношения мужчин и женщин в самом «обычном» контексте: в браке. Однако этот кажущийся обычным контекст на самом деле скрывает в себе смену тематики – переход от романтического изображения любви (см. представления о счастье как о «романе») к разворачиванию более глубоких человеческих отношений. По мнению А. Молнар настоящий сюжет в трех произведениях – это самосозидание и самопонимание героев. В центре сюжета ставится конфликт женского и мужского принципов и метафоризация этого конфликта в поэтически оформленном тексте. При этом дидактическая и проповедническая установка Толстого постепенно снимается и заменяется другими жанровыми установками – например, модус исповеди.

Раздел о Чехове включает в себя анализ трех произведений («Спать хочется», «Палата № 6» и «Чайка»), а также анализ «Чайки» Б. Акунина, о котором говорилось выше. То, что связывает поэтические миры Толстого и Чехова, – это описание человеческих отношений через вещи и детали изображаемого мира. В повести «Смерть Ивана Ильича» в интерпретации А. Молнар обнаруживается новое осмысление того явления, которое в специальной литературе называется «бунтом вещей» в произведении Толстого. Как показывает Молнар, материальный мир не только добивается превосходства над человеком – «предметы захватывают, засасывают людей», – но одновременно сигнализирует о ложном отношении людей к миру, предвещает их непонимание мира и фальшивое словоупотребление. В этом контексте вещи обозначают не только себя, но обозначают и новую жизненную ситуацию. «Вещь превращается в предмет действия и становится его знаком» (С. 224). А имя вещей отрывается от своих референтов, распадается и служит для создания нового поэтического дискурса, сигнализирующего о крахе ложного понимания мира и создании нового языка субъекта. Например, знаковые единицы слова *нуф* не только обозначают предмет, но «служат порождению модальности, которая относится к разложению и новой постройке дискурса (см. крик «у»)». (Там же)

В известном рассказе «Спать хочется» «описание деталей опредмечивает состояние героини» (С. 313), а предметы приходят в движение и действуют. При анализе также прослеживается «процесс созидания новых знаков» выражения. Во-первых, наблюдается порождение слова из неполноценных знаков: звуки колыбельной песни («Баю-баюшки-баю») и звуки, изданные умирающим отцом («бу-бу-бу»), выступают исходным пунктом переименования ситуации страдающей Варьки (ее *прибыют*); во-вторых обнаруживается путь приобретения субъектом своего языка. Варька создает свой, особый текст о своем желании заснуть в образной форме (в грезах), тогда как автор моделирует процесс текстопорождения и переосмысление действительности семантизацией языковых знаков. Интерпретация повести «Палата № 6» также содержит много примечательных моментов. Например, согласно концепции А. Молнар, главные персонажи, запертые в палате воплощают человеческие грехи (ложь, уныние, чревоугодие, сребролюбие и т.д.). Сюжет состоит в том, что доктор Рагин отказывается от этих грехов, а смерть наступает для него как искупление (С. 352).

Надеемся, что приведенные примеры убедительно доказывают, что используемая в книге методология в самом деле проливает новый свет на анализируемые произведения. Наконец, остается вопрос, на какую аудиторию ориентирована книга? Нам думается, книга прежде всего может заинтересовать профессионалов-специалистов по русистике и подготовленную читательскую аудиторию. Ведь такой подход к литературе требует от читателя глубоких знаний текстов произведений и знакомства с основными литературоведческими понятиями. Вместе с тем мы убеждены, что книга будет весьма полезна и интересна как студентам-филологам в качестве учебного материала, так и всем любителям классической русской литературы в целом. Ведь А. Молнар в своей книге однозначно показывает, что интерпретация произведений невозможна без анализа текста, а текстовый анализ требует методологии, которой необходимо овладеть.

В связи с этим следует отметить, что в некоторых местах семантизация фонических секвенций не до конца разъяснена, возможно, в расчете на призыв к сотрудничеству с читателем. И все же, чтобы не впасть в «методологическую слепоту», т.е. в автоматизм в использовании методологического аппарата, было бы целесообразно в будущем обратиться к поэтике отдельных авторов и определить место анализируемых здесь произведений в контексте всего их творчества. Ведь, как блестяще показывает книга А. Молнар, только с помощью тщательного текстологического анализа можно проникнуть в самую глубину проблематики отдельных литературных дискурсов и постичь индивидуальную смысловую инициативу писателя и его видение мира.

Геца Ш. ХОРВАТ

Институт Центральной Европы, Кафедра русистики

Католический университет им. Петера Пазманя

Будапешт, Венгрия

horvath.geza71@gmail.com

